

Над селом опустился теплый первомайский вечер. На Садовой улице, близкой к постройкам колхоза, веселилась молодежь, не только местная, но и пришедшая из соседних деревень. Водили хороводы, танцевали, пели частушки и лихо отплясывали под веселые переливы гармошек.

Вдруг столб пламени с треском взметнулся ввысь над правым углом скотного, по-местному конного, двора.

- Пожар! - раздались отчаянные крики, и все бросились бежать через мост к горевшему двору. А некоторые из парней в одежде переплыли реку.

Громко и тревожно гремел набат. Люди бежали на пожар, каждый нес с собой что-нибудь для тушения огня.

Юноши в это время открыли ворота двора, двери станков и конюшен и выгоняли лошадей из стойл.

Огонь быстро продвигался по строению. Горящие пряди соломы, подхватываемые усиливающимся ветром, переносились на противоположную крышу, и она тотчас вспыхивала. С большим трудом лошадей удалось выгнать со двора. То ли обезумев от страха, то ли испугавшись криков, огня и темноты, часть их обратно ринулась в ворота и скрылась в огне и дыму.

Молодежь снова пыталась выгнать обезумевших лошадей, но весь двор превратился в огромный костер, и туда нельзя было зайти.

Люди быстро и без суетоки тушили пожар: качали ручным насосом воду из речки, носили ведрами и лили в огонь.

Свирепствовала огненная круговерть, нельзя было подойти к горевшему двору поближе, так как обжигало лицо, руки и начинала дымиться одежда.

Прилетевшие на огонь две птицы резко отвернули в сторону и скрылись в темноте.

Пламя бушевало и, извиваясь от ветра, языками растекалось по небу.

Мужчины баграми растаскивали горящие слуги решетника, обвязку и стропила, отволакивали их в сторону или бросали в речку. Небольшая группа подвыпивших мужиков дотошно допрашивала дежурного конюха: «Кто сжег конный двор?»

Даже раздавались голоса: «Это он! В огонь его!»

Особенно решительно был настроен полный человек в кожаном картузе.

Конец назревающему беззаконию положил подошедший председатель колхоза Семен Егорович, сказав:

- Нельзя чинить самосуд. Соответствующие органы разберутся, найдут виноватого. Конюха оставили в покое.

Постепенно огонь терял силу. Тьма пододвинулась ближе к пожару. Оставленные председателем дежурные продолжали заливать догорающие остатки двора.

Люди стали расходиться по домам группами и в одиночку, обсуждая случившееся. Говорят, конюх оставил зажженный фонарь в станке у ожеребившейся лошади. Так ли это?

- Да если бы не парни, все лошади сгорели бы.

- Ребята молодцы. Как они умело и бесстрашно действовали на пожаре, спасая общественное добро.

- Хорошая выросла молодежь. На нее можно положиться в деле. Не подведет, - подытожил один из собеседников.

А это было начавшееся утро второго мая 1941 года. До грозных событий оставалось совсем немного времени, в которых молодежь проявила себя героически, защищая Родину, землю родную от вражеского нашествия.

На восходе солнца с огнем было покончено. Страшное зрелище представлял еще недавно ухоженный, аккуратный скотный двор. Его больше не существовало. На пожарище курились и вспыхивали головешки, и поднимался белый пар.

Лежало тринадцать трупов обгоревших лошадей. Пришедшие на бригаду колхозники погрузили и отвезли их на скотское кладбище и закопали.

К полудню того же дня из райцентра приехал участковый милиционер и прямо к дому конюха, дежурившего в прошедшую ночь.

Хозяин, осунувшийся, в фуфайке, с узелком в руке, вышел из дома, попрощался с семьей и соседями, сел в задок повозки и уехал из родного села навсегда.

1995 год